

Дина Новая

Блцждание
по яви

Дина Новая

Блуждание по ЯВИ

«ИП Астапов»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Новая Д.

Блуждание по ЯВИ / Д. Новая — «ИП Астапов», 2017

ISBN 978-5-906863-96-6

Путешествие по городам и эпохам в поисках справедливости, счастья и идеала.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

ISBN 978-5-906863-96-6

© Новая Д., 2017
© ИП Астапов, 2017

Содержание

Крионик	6
Агентство «Блуждание по ЯВИ»	8
Серебряные сны	11
Когда отправляемся	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дина Новая

Блуждание по ЯВИ

Текст публикуется в авторской редакции. Обложка по эскизу автора

Крионик

– Войдите в другой образ, в новый образ. Какой предпочитаете? – Это был голос седого профессора с волнистой шевелюрой и в массивных очках.

Да, он звучал как-то глухо, я даже не поняла откуда.

– Вы знаете, что на вас поступил заказ? Да. На вас поступил заказ. Вызов к № 4048. Это мужчина средних лет, хорошо сохранился. Он хочет внедрить вас в свой сон. Интересуется часами.

– Нет.

– Но отчего же?

– Да... Я, кажется, знаю, о ком вы говорите. Нил Салицкий?

– Здесь он утратил свое имя. Теперь оно под запретом. Вернее, остался только номер.

Еще не хватало – подумала я, – я не хочу внедряться в его сон, не хочу видеть этого человека. Ни теперь, ни через сто лет вперед.

– Отпустите меня. – Проговорила я, едва разлепив губы.

– Это невозможно, – ответил с невозмутимым видом доктор Гарфункель. – Заказ клиента отменять нельзя. А то еще склоки возникнут, виртуальные.

– Я не могу.

– Я понимаю, вам это неприятно, фрекен Брик. Но чтобы не причинять вам неудобств, примите другой облик.

– Нет.

– Но я настаиваю.

– Ну, что ж, интересно. Я попробую.

Зачем меня против воли ввязывают в это мероприятие? – Недоумевала я. – Вызывают в будущее через сто лет.

– Хорошо. – Доктор Гарфункель встал, одернул свой белый халат. – Пройдемте сюда, за мной.

Он отодвинул черную блестящую занавеску. За ней находилась какая-то установка, похожая на рентгеновский аппарат.

Он, доктор Гарфункель, вежливо пропустил меня вперед, к аппарату.

– Встаньте сюда.

Я оказалась зажата между двух каких-то пластин, голова подбородком оперлась о подставку. Прямо передо мной располагался экран. На нем мелькали какие-то бледные тени.

Доктор Гарфункель опять задернул занавеску и сел к своему столу, тоже с экраном.

– Выбирайте.

Я продолжала с удивлением вглядываться в экран.

– Что это? Что за образы проходят на экране?

– Это ваши клоны. Каждый клон автономен, но в каждом есть ваша частичка. Какой клон вам подойдет?

– Я не знаю.

– Считайте, что это ваше второе я, или 22-е, не важно, какое угодно. Но это все вы.

– Серьезно?

– Более чем. Хотите, вот Дубликат № 1 «Звездная ночь»? Ну, Это слишком экстравагантно.

– Нет, пожалуй.

– А вот, Дубликат № 2 «Спящая нимфа». Нет, пожалуй, не стоит.

Я тоже внимательно следила за экраном, но не понимала, как к этому относиться. Как к игре?

– Смотрите, Дубликат № 3 «Роковая красавица» в красном. По-моему, подойдет. Вы как считаете?

– Смотрите, у нее мои туфли. Почему у нее мои туфли «Elisabeth», тоже красные на шпильке? Я про них совсем забыла.

– Смело вставайте к аппарату, прижмитесь всем телом. Не дышите. Теперь смело отходите.

– Это я? – Я смело шагнула, чуть покачнувшись, отодвигая занавеску. – Но я почти на десять сантиметров выше?

– Но туфли-то ваши? – Профессор иронично шурился.

– Да. Роскошное платье. Я иду. Боже, как на таких ногах ходят. Раскачивается все тело. Нет, это не я.

Красное платье на бретельках облегалo фигуру. Легкий газовый шарф (тоже красный) прикрывал плечи. От бедра платье расходилось в свободном крае до пола, оставляя разрез на боку. Конечно, платье вызывало восторг, но было не мое.

– Это для кого-то другого.

– Какая вам разница? Наверняка, он такой хотел вас видеть.

– Будь он неладен.

– Вы готовы?

– Да.

Профессор нажал какую-то кнопку. Появился высокий человек с рыжими кудрями, тоже в белом халате.

– Доктор Вернон, проводите г-жу Брике к боксу № 5.

Мы направились вдоль по коридору. Шаги по плиточному полу гулко отзывались в голове и нарушали здешнюю пустоту.

Гладкие белые стены, бронированные стальные двери не внушали оптимизма.

«Зачем ему понадобилась эта долгая счастливая жизнь в этом каменном мешке? – Мельком пронеслось в голове. – Эти добровольные сны изгнания, сны испытания?»

Доктор Вернон, идя рядом, спросил.

– Да, я вам не говорил, что он заморожен?

– Нет. Какой ужас.

– Он крионик, содержится на «Фабрике снов». А это наш проспект, – вежливо протянул он мне пластиковую книжку. – Здесь действуют Аренда, Скидки. Попастъ в чужой сон можно по договору. Хотите, ознакомитьсâ?

– Нет, не стоит.

– И все же ознакомьтесъ, – настаивал д-р Вернон.

Когда доктор Вернон все же сумел всучить мне этот проспект?

Я нехотя открыла книгу. Замелькала бегущая строка проспекта:

Агентство «Блуждание по ЯВИ»

Экскурсии в прошлое и будущее без наценки. Посредник (сопровождающий) при необходимости. По заявке.

Вы увидите своими глазами, что может произойти, и то, чего не было, но могло бы быть.

Заглянуть в мысли другого лица. И видеть его сны и воспоминания.

А так же можно исправлять воспоминания.

Это истинная прогулка во сне.

Желаем вам приятных и незабываемых впечатлений!»

Я все-таки пробежала глазами этот проспект. Бегущая строка в конце быстро замелькала.

– Нет, я вынуждена отказаться. Благодарю вас. – Книга тотчас свернулась и погасла.

«Зачем я, почему я? Бред какой-то. Что он хочет теперь доказать?»

Он страдает каким-то странным комплексом делать людей несчастными вокруг себя. Может, поэтому он и выбрал этот не совсем обычный вариант?»

Я опять огляделась вокруг себя, и меня охватил озноб.

– Ну, что ж. Если захотите срочно вернуться, вот вам браслет.

Он быстро наклонился и закрепил на моей левой руке круглый браслет.

– Что это, – золотой?

– Нет, смотрите, это видеофон. На нем при желании четко высвечиваются показания – Прошрое – Настоящее – Будущее. Вас это не пугает?

«Прошрое... как я осталась одна в мороз на дороге? Мне требовалась помощь. А он уехал. Нет, я ничего не хочу исправлять. Какой-то незнакомый человек довел меня до обочины и вызвал скорую».

– Нисколько.

Я уже довольно привыкла к своему новому образу и росту. По-моему он, то есть, доктор Вернон, это оценил. Но все равно я находилась в каком-то оцепенении.

– Вот, видите, – он опять наклонился к моему браслету. – Надо искать – вперед, назад.

Стоп. Будущее, прошлое, настоящее. Понятно?

«Да. Он всегда за всем следил, все контролировал, чтобы ничто никогда не выходило из-под его контроля. Был абсолютно беспристрастным. Ни в личной жизни, ни тем более, на работе, ничего не оставалось без его внимания. И вдруг такой подарок».

– Вполне.

– При угрозе нажимаете – стоп. Затем, – настоящее.

– А что, крионики могут причинить нам какой-то вред?

«Как он вытолкнул меня из машины после очередной ссоры?»

Кажется, именно тогда он нашел новую пассию и гордо заявил мне об этом? К тому же, что она ждет от него ребенка. Но это было против всех его планов. Нет, я ничего не хочу исправлять».

– Нет, нет, вы под охраной. Ну, все. – Он остановился перед тяжелой дверью с круглой ручкой. – Мы пришли.

Крутанул ручку и втолкнул меня в раскрытую дверь.

Голова закружилась, я оказалась в какой-то белой комнате. Голос чуть металлический, надтреснутый вернул меня на место.

– Я думал, ты уже не придешь и что ты уже весьма дряхла собой. После стольких лет. – Человек как будто в серебряном парике и костюме из целлофана издавал этот голос. Я старалась на него не смотреть.

- Знаешь, у каждого свои секреты. И, вообще, я чувствую, что... зря согласилась.
- Значит, ты на игре?
- Я не знаю, в какой ты игре? Зачем ты это сделал? Тебе что-то угрожало?
- Время... – Его голос как-то еще больше закрипел. – Я всегда был готов на эксперименты. Это тоже своего рода игра.
- Я искала, где бы присесть, согреться в этом белом мраке.
- И тебе не интересна жизнь твоих родных? У тебя ведь сын.
- Нет, не ин-те-рес-но. И потом, она воспитала его для себя.
- Он вдруг посмотрел на меня. Скользнул взглядом по коже.
- Меня обдало дрожью.
- Да, живой я, живой... хочешь, потрогай.
- Нет, не приближайся ко мне. – Я почти закричала.
- Да, все же безбашенное было время. Его не вернуть. – Он опять принялся скользить по комнате из угла в угол.
- И незачем. Все это в прошлом.
- Не трогай мое время. Оно всегда со мной.
- Ты о чем? – Я недоуменно взглянула в его сторону.
- О середине девяностых.
- Ты предавал, о том, что ты предал.
- Я предавал, я продавал, меня предавали. Но приобрел не все...
- Как ты можешь?.. – Я просто содрогалась от бешенства. – Я сожалею, что пришла сюда.
- А он просто наслаждался своим спокойствием.
- Я знаю. Ты все такая же. Теперь уходи. Мой сеанс воскрешения окончен. Рад был снова видеть тебя. Теперь, как минимум лет через сто.
- «Ну, уж нет, – подумала я. – Ни за что».
- Зачем это все? – Я снова резко обернулась, поправляя прическу. Браслет сверкнул на руке.
- Прощай. – Говорил он, не глядя на меня. Потом резко обернулся и спросил.
- Постой. Что это на тебе? Часы? – Он взглянул на браслет. – И золотые.
- Я тут же убрала руку за спину.
- Нет, т. е. не золотые. Это просто безделушка.
- Дай-ка посмотреть. – Он снова попытался приблизиться ко мне.
- Отойди. Не трогай меня. Не прикасайся ко мне.
- А знаешь, моя коллекция часов цела. – Снова поднял на меня взгляд.
- Меня это не интересуется.
- Я знаю.
- Он все ходил по какой-то (казалось) ему одному прочерченной траектории, передвигаясь с плитки на плитку, словно как по кусочкам льда.
- Я хотел бы приобрести часы, такие, как у тебя. Кстати, – он вдруг остановился как вкопанный, – и фирма моя продолжает работать и без меня. Поступают заказы. Кто ты думаешь, оплачивает мое содержание здесь? Дай сюда. – Он резко приблизился и схватил мою руку.
- Я закричала: «Выпустите меня! Верните меня!» – И бросилась к двери. Начала стучать кулаками.
- Кричи, кричи, – не услышат.
- Он так тряхнул мою руку, что браслет соскользнул с руки и покотился.
- Он не должен был его получить. Я резко обернулась и приготовилась сильно ударить его коленом.
- Вдруг он съехался и сложился пополам. Упал набок. Словно что-то в нем сломалось.

Я бросилась за браслетом, он почти закатился под дверь. Меня пронизывал дикий ужас, что я могу остаться в этом кошмаре. Стоя на коленях, я, наконец, нашарила его под дверью. Кажется, он цел. Все, теперь надо нажать нужную функцию. Скорее, скорее.

И все-таки я обернулась. Он лежал все так же. Он был вне игры.

«Его сердце не разбилось как сердце Кая? Нет. Не рассыпалось на кусочки льда? Он просто лжец и мошенник».

В голове была одна пустота. Я нажала на браслете – Стоп. – И дальше ничего не помню.

Серебряные сны

Я оглядела себя. Судя по костюму, я, кажется, попала в прошлое. Видимо, после – Стоп – случайно нажала – Прошлого. Вместо – Настоящего.

Мало того, я оказалась в зашнурованном корсете под бархатным черным платьем в пол. Это было ужасающе. Все тело сдавливало, нельзя было дышать. Корсет доходил до середины бедра. Платье и сверху короткая шубка были вполне приемлемого фасона. Но и это еще не все. На голове я нащупала шляпку с вуалью.

– «Прошлое вместо настоящего. Где же я?»

Мост. Мороз. Холод пронизывал до костей. От мороза повисла слегка серовато-розовая дымка. Экипажи скользили. От лошадей валил пар. Ну, конечно, Санкт-Петербург и Аничков мост. Вон, и «Кони» П. Клодта. Да, все как в тумане или в коротком сне. Ноги точно приросли от мороза. Точно так же, когда во сне не можешь сдвинуться с места.

Так. Но какой, же год? Надо у кого-то спросить.

Увидев впереди полицейского на посту, я окликнула его.

– Послушайте, любезный!

– Что изволите, сударыня? – Подбежал он, прикладывая руку к козырьку.

Вот, этот с усами в длинной шинели, пожалуй, сойдет. Да еще сабля болтается на боку так смешно.

– Помогите мне взять извозчика.

– Мое почтение, мадам. Вы, верно, приезжая? Что изволите?

– Да. Плохо ориентируюсь в этом городе. – Сказала я, невольно озираясь по сторонам.

– Один момент, сударыня. Не извольте беспокоиться.

– Эй, кучер! – Полицейский зычно свистнул.

Подъехал кучер тоже с усищами и коляской с полуопущенным верхом. И встал как вкопанный.

– Куда изволите ехать?

– На Гороховую.

– Там небезопасно.

– Что такое?

– Воры, притоны всякие. Без провожатого, не советую...

– У меня есть провожатый. Там, позади, – я неопределенно махнула рукой.

– Ну, садитесь. – Помог мне взобраться в коляску полицейский. – Эй, кучер, трогай. Два целковых, смотри у меня.

Сурово пригрозив кучеру плеткой, круто развернулся и проговорил:

– Счастливо оставаться, сударыня! И взял под козырек.

Как же я была поражена, когда откинувшись на спинку коляски, я обнаружила рядом с собой маленького человечка в цилиндре. И в черном плаще с пелериной, закрывавшей поллица.

У меня пропал дар речи.

– Кто вы?

– Мадемуазель, – он опирался руками на трость с набалдашником. – Меня прислали по распоряжению для вашего сопровождения, предваряя недоразумения...

– Подождите, откуда вы?...

«Какой странный человечек, подумала я, кинув на него беглый взгляд. Он очень похож на какого-то гофмановского персонажа. Не помню точно какого».

– Меня зовут Троумель, – он представился, как бы предваряя мой вопрос.

«Пожалуй, он похож... на песочного человечка, не важно. Но я его не боюсь. Он добрый»

– А что такое Троумель? – Спросила я, как-то немного уже успокоившись и придя в себя.
– Как вам сказать?.. Он немного поерзал. – Читайте, что я ваш «Утешитель». Как вам угодно, «Сопровождающий»... Можно и так.

– Значит, вы постоянно будете при мне? – Это меня уже напрягло.

Он ехал со мной в коляске, прямой как палка, не считая маленького горбика, глядя прямо перед собой.

– Да, пока не кончится наш контракт или соглашение, как вам угодно, мадемуазель.

Он подsunул мне под нос какую-то бумагу. – Читайте, читайте, мадемуазель... И подпись ваша, Мелания Брискина?

– Да, подпись моя, но как она здесь очутилась? Какое-то агентство экскурсий «Блуждание по Яви». Мистика какая-то.

– Так и есть, сударыня. Все за ваш счет, – перемещение в прошлое и будущее, не считая настоящего.

– Немыслимо. Я ничего не подписывала. – Сказала я человечку, отдавая бумагу назад.

– А это обращайтесь к д-ру Вернону, не ко мне.

«Ага, доктор Вернон на этой фабрике Снов все-таки сумел всучить мне этот проспект».

– Так он действительно существует?

– А как же иначе? Стал бы я тут с вами разговаривать? – Он недовольно опять заерзал на сиденье коляски.

Я тут же вспомнила про браслет, он все так был надет на левой руке. И как я случайно нажала на нем не то время.

А мы действительно ехали по Невскому проспекту, сгущались сумерки.

– Ну, не обижайтесь, Троумель... А куда мы едем?

– Это неважно. Вы, кажется, хотели посмотреть Петербург Достоевского.

– Да, хотела. Посмотрите, какая красивая дама мимо нас проезжает в коляске. Она настоящая?

Дама сидела, откинувшись на подушки, казалось, ничего не замечая вокруг.

– Фантом. Каждый вечер с 3 до 5 вечера, она движется по Невскому проспекту, пересекает Аничков мост и исчезает. С ней связана какая-то любовная история.

– А если с ней заговорить?

– Иллюзия реальна. Попробуйте.

Пошел густой снег. Она, т. е. дама, остановила коляску. Вышла из нее, подошла на мосту к самому парапету.

– Что она делает? Хочет прыгнуть? – Я с тревогой быстро посмотрела на Троумеля. – Я остановлю ее.

Я быстро выбежала из коляски и помчалась навстречу Даме.

– Мадам, – сказала я, запыхавшись, – я могу вам чем-нибудь помочь? – И встала рядом. Она курила папироску в длинном мундштуке.

– Думаю, что нет, – ответила она, повернувшись к реке.

Снег сыпал густой на нас обеих. Ни народу, ни экипажей, как будто не осталось никого в городе. Лишь фонари мерцали в снежной дымке.

Незнакомка, т. е. эта дама, как с картины «Незнакомка» подошла к краю парапета и наклонилась вниз над Невой. Я тоже последовала ее примеру.

– Как вас величать, мадам?

– Прасковья. Нет, лучше Матильда.

– Послушайте, мне кажется, вам совсем не идет имя Матильда.

– Я знаю, – она укоризненно на меня посмотрела. – Это я так сказала, чтобы не называть свое имя.

– А вы знаете, с каким восхищением на вас смотрят мужчины?

– Да, я знаю, только совсем не так как вы подумали.

– Простите меня, Прасковья, я понимаю, вас наверно, когда-то обидели... и вы теперь так смотрите на мир...

– А зачем что-то менять? – Она в упор посмотрела на меня. – Это моя судьба. Теперь поздно говорить. Я собой довольна. Вы разве не видите? – Она еще раз с вызовом посмотрела на меня.

– Вижу, – подтвердила я.

– И прошу, не надо меня – жалеть. – Она загасила папироску. Медленно поправила шляпку с пером и вуалью.

На ее левой руке я заметила почти такой же золотой браслет, как и у меня. Какое-то мистическое совпадение, не более, подумала я.

– Хорошо, Матильда. Извините, не буду вас больше задерживать. Вы, наверное, куда-то торопитесь?

– Да, на свидание. С костромским князем, он так себя называет. Кто он на самом деле, я не знаю. И не желаю знать.... А вот уже и коляска князя. – Она махнула муфтой куда-то вдаль. – Мне пора. Прощайте.

– Прощайте.

Она подошла плавной походкой к своей коляске. Через минуту коляска растаяла в снежной мгле.

– «О. голова кругом. Матильда, Матильда или Прасковья? Какая разница? Пусть сама разбирается. Нет, пусть уж лучше она останется «неизвестной». Миражем. Погоней за мечтой на берегах Невы, вечно ускользающей, как легкий бриз».

Я тоже вернулась к своему экипажу с приспущенным верхом. И он покатился дальше под цокот копыт по улице.

– Вы спрашивали, какой год? – Вновь послышался скрипучий голос Троумеля из глубины экипажа. – Ну, теперь вам понятно, какой?

– Смутно.

– Посмотрите, что писали газеты. – Он разворачивал на коленях какие-то старые пожелтевшие газеты. – Поинтересуйтесь.

– Что это такое? – Я пыталась заглянуть в этот ворох бумаг.

– Хотите знать, что там написано? «Кокотка в коляске», «Дама в коляске», «...муфта и золотой браслет – все это модные детали женского костюма 1880-х». «Появляется на 11-й выставке ТПХВ».

Сумерки сгущались, небо заволкло серой сырой дымкой, человек все так же сидел в скрюченной позе, словно просил его не трогать и не беспокоить. Я оказалась заложницей, пленницей в своем перемещении блуждании во времени.

– Вы зря беспокоитесь, – откликнулся Троумель. Все включено в стоимость экскурсии. Вы погружены в реальность.

– Вот, смотрите, что я нашла, – я тоже заглянула в старую газету: «А сын того Клодта, Михаил Петрович Клодт, фон Юренсбург живописец, сын скульптора, явился одним из членов и учредителей «Товарищества» (художников). Вот забавно, только что проезжали мимо «Коней» его отца здесь, на мосту.

– «Нива»? «Отечественные записки»? «Русские ведомости»? «Изящная литература»? – Троумель продолжал шелестеть старыми газетами. – А где же молодой литератор Чехов? Вот, «Стрекоза», «Осколки», «Петербургская газета». Вы знаете, что его пьесу не приняла сама Ермолова?

– Нет.

– Мало того, и первый его сборник закрыла цензура. По политическим соображениям.

– Не может быть.

– Однако, написано, что он «подрывал устои или основы».

– Это просто смешно, – пыталась я как-то от него отделаться, глядя в окно экипажа.

– Книга под заглавием «Шелопай и благодушные» или «Шалость», Альманах Антоши Чехонте с рисунками Николая Чехова, была запрещена цензурой.

Что-то опять начало смещаться, из затемненной улицы с редкими фонарями и прохожими снова въехали в полосу тумана. Вдруг послышались какие-то крики людей и хлопок то ли взрыва, то ли выстрела.

– Это бомбисты, – едва успел сказать Троумель.

Тут же, как взрывной волной, меня вынесло из коляски, и я покатила на мостовую, повредив нечаянно руку.

Когда отправляемся

Когда я очнулась и открыла глаза, кругом было много раненых. Она сидели, стояли, лежали на носилках.

Между ними сновали быстро-быстро сестры милосердия в белых платках и косынках, как у монахинь, и в белых фартуках с красным крестом на груди.

Я никак не могла понять, как я здесь очутилась. Что произошло до этого? Все стерлось из памяти.

Была открытая местность. Видимо, уже осень, или начало зимы. Но совсем не холодно. Толпы раненых собирались у поезда, тоже с красными крестами на вагонах.

То ли он прибыл, то ли готовился к отправке поезд. А раненых все подвозили, всё подтягивались санитарные повозки (гужевой транспорт). Напротив, как-то вдалеке, виднелось старинное здание станции.

Но одно я поняла, что это было серьезно. Фронт был близко. У всех были спокойные серьезные лица.

Никто не суетился, не толкался. Жизнь текла сама собой. С какой-то покорной обреченностью.

Голова еще гудела, и руку саднило, виднелась запекшаяся кровь на рукаве.

Когда я увидела вдалеке Троумеля все в том же цилиндре, вдруг все встало на свои места. И взрывы, и прогулка по Невскому проспекту, и падение. И все из-за него, я отвернулась, не хотела смотреть в его сторону.

«За что мне все эти испытания?»

Я встала, сразу зашуршали пожухлые, пряные листья под ногами.

– Куда вы? – За спиной послышался предупреждающий голос Троумеля.

– Я просто пройдусь... – сказала я, не оборачиваясь.

– Вы же видите, что здесь происходит?

– Вы, кажется, чересчур усердно опекаете меня? Но это всего лишь игра?

– Вам виднее. Но на мне ответственность... – И он отошел куда-то в сторону.

«Вот и хорошо, – подумала я, – устала уже от его нудных нравоучений».

Пошла вдоль поезда. Рабочие сцепщики в промасленных робах проверяли вагоны, подгоняли буфера. Пахло мазутом, пар плевал в лицо. Меня догнал чей-то голос.

– Вас где-то зацепило. Я вас перевяжу. Простая царапина.

Я обернулась. Увидела очень интересного мужчину. В белом халате с красным крестом на рукаве.

– Как вы попали сюда? – Его узкие губы расплылись в улыбке.

Очень приятное лицо, располагает. Светлая шевелюра спадает на лоб.

– Сама не знаю. – Ответила я, тоже в ответ улыбнувшись. – А вы давно здесь?

– Почти с начала войны. Здесь в Минской губернии меня все зовут Ян.

– А меня Мелания.

– Транспортируем раненых в Москву и обратно.

У него были точно такие же серо-зеленые глаза как у меня. И светлые волосы. Я вскользь рассматривала его, пока он перевязывал мне руку.

– Вы где-то учились здесь?

– Окончил пока только фельдшерские курсы. Но, надеюсь, что все впереди.

У нас не хватает людей. Раненые все прибывают. Особенно химические, после атаки. Может, слышали?

– Слышала. Но я не оканчивала медицинских курсов.

– К нам идут без образования. Вот, певец один и актер есть санитарями.

- Я с радостью.
- Тогда идите к вагону № 5, там вам выдадут все необходимое. Ваша рука скоро заживет.
- Спасибо. Благодарю вас, Ян.

Лишь только Ян отошел, и я хотела идти к пятому вагону, дорогу мне перегородил Троумель.

- Это невозможно.
- Послушайте, Троумель, он просит меня остаться. Просит помочь.
- Я не могу вас отпустить. Я отвечаю за вас. Мы должны вернуться.
- Он сказал: им не хватает людей.
- Не переживайте. Только что, к вагону № 5 прошли две гимназистки или курсистки.

Понимаете, это все надолго.

- Пустите меня.
- Это ваш дед.
- Мой дед? – Я посмотрела в ту сторону, куда ушел Ян.
- Сердцеяд, любимец женщин, к тому же врач. Видите, он помогает раненым.
- Скажите, они действительно реальны?
- Реальнее некуда. – Троумель отступил и направился куда-то в сторону, поигрывая тросточкой.

Тут на дорогу в клубах пыли выкатил автомобиль. Из него выпорхнула некая дама в длинном атласном платье и огромной шляпе. И направилась в сторону Яна.

- Дзень добры, пан Янек. Я вам привезла двух раненых из госпиталя.
- День добры, пани Милена.

– Позволит ли пан выступить мне перед солдатами? – Она обвела взглядом всю толпу у поезда.

Она была в безумно красивом туалете. Вся в черном, замедленная томная речь делала ее еще прекраснее.

– Вы ошибаетесь, пани Милена, у меня нет таких полномочий. Не у меня надо спрашивать разрешения, а у начальника поезда. Я очень сожалею. Может быть, в другой раз.

- Другого раза, возможно не будет. Не хватит одной жизни.
- Я буду сожалеть.
- Но тогда, чтобы не взять меня хоть санитаркой?
- Надо беречь ваш талант, пани Милена. Ваш неповторимый голос.
- Но-но-но, я понимаю ваши шутки, пан Янек. Ну что ж, до видзенья,
- До видзенья.

Он, кажется, поцеловал ее пальцы. Она все смотрела на него смеющимися глазами.

– До зобаченья. – Она сделала небольшой поклон головой, шляпа закрыла ее глаза. Потом медленно пошла обратно.

– Кто это? – спросила я у Троумеля, стоящего рядом, пока она садилась в свой автомобиль.

– Звезда кабаре и кафешантана. Местная знаменитость. Антрепренеры платили за нее бешеные деньги. Из-за нее даже стрелялись.

Она села в свой ретро-автомобиль рядом с шофером и укатила. Как героиня из немого кино. Мечта чьих-то грез.

- Оставайтесь, Маня, оставайтесь, – крикнул мне Ян на бегу.
- Она не останется. – Возразил в ответ сердито Троумель.

– О, какой у вас сердитый папаша, – Ян легко вскочил на подножку, помахал рукой и скрылся в вагоне.

Я побежала к старшей сестре в пятый вагон. Старшая была почтенная мать семейства уже седая.

Она разрешила мне ехать. Выдала сестринскую одежду.

Я даже вскрикнула, когда я переодевалась, на пороге появился Троумель.

– Вам нельзя ехать.

– Что вы такое говорите, Троумель. Отвернитесь. Я еду в Москву.

– Вас там не может быть.

– Почему же?

– Потому что в 1914 году вас там не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.